https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-373-387
https://elibrary.ru/FLKBXO
УДК 82.0-43+094.4
Научная статья / Research Article
18+

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

«ТУТ ВСЕ АНТИНОМИЧНО...»: АНТИНОМИЗМ МИФА И СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ПАЛИМПСЕСТА В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

© 2026 г. М. Цимборска-Лебода

Аннотация: В статье предлагается интерпретация многоаспектной проблемы смыслового антиномизма мифа и его истолкование в поэзии Вячеслава Иванова. Основным материалом исследования является поэма «Сфинкс» из сборника «Кормчие звезды». В качестве отправного пункта и герменевтического ключа в данных рассуждениях используется фрагмент философского эссе поэта 1934 г., содержащего очередную (третью) экспликацию мифа об Эдипе, в котором антиномично соединение «ужасающего и божественного». Выдвигаются и развиваются два основных положения: 1) в своей жанровой природе поэма «Сфинкс» является мистерией, предрешая в этом аспекте мелопею «Человек»; 2) в смысловом плане поэма-мистерия построена по палимпсестному принципу, существенное значение, кроме мифического, имеет в нем дантовский, бодлеровский и августиновский слой, а также библейский, христианский. Указывается, что прочитывание, дешифровка палимпсестных смыслов явных и затаенных (христианских) способствует осмыслению онтологических (земля — небо/рай) и экзистенциально-аксиологических антиномий поэмы (Зло — Добро, ненависть/насилие — любовь/спасение), а также текстового многоголосия на персональном и ценностно-философском уровне. Выявляются полюсные значения и символические противоречия мифических фигур: Сфинкса и Эдипа, подвергнутых «умножению смысла», обогащающей многоуровневой интерпретации. Обнаруживается ключевая роль семантических/концептуальных антиномий мистерии: Зверь — Христос, Тьма — Свет, в самом же мифе и символическом измерении фигуры Эдипа (облик страдальца): слепота — зрячесть, искание — обретение. Утверждается, что дискурсивная стратегия Иванова нацелена на указание человеческого отталкивания от Зла, на боренье Духа и поисков пути очищения и спасения; значит на подтверждение релевантности мистериально-христианского Сверхсмысла произведения — как сокровенной, «незаменимой вести».

Ключевые слова: антиномизм мифа, Сфинкс, Эдип, Зло, Свет, палимпсестный принцип, Вяч. Иванов, Данте, Бл. Августин, Бодлер, мистерия, Память, имагинация

Информация об авторе: Мария Цимборская-Лебода — доктор филологических наук, ординарный профессор, Институт языкознания и литературоведения, Университет Марии Кюри-Склодовской, пл. М. Кюри-Склодовской, д. 5, 20-031 г. Люблин, Польша.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-8666-3563

E-mail: mcymborska-leboda@O2.pl

Для цитирования: *Цимборская-Лебода М.* «Тут все антиномично...»: антиномизм мифа и сокровенный смысл палимпсеста в поэзии Вячеслава Иванова // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 373–387. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-373-387

"EVERYTHING HERE IS ANTINOMICAL…": THE ANTINOMICAL ESSENCE OF MYTH AND THE HIDDEN MEANING OF PALIMPSEST IN THE POETRY OF VYACHESLAV IVANOV

© 2026. Maria Cymborska-Leboda

Abstract: The article offers an analysis of the multifaceted problem of the semantic antinomy of myth and its interpretation in the poetry of Vyacheslav Ivanov. The main focus of the research is the poem "Sphinx" from the collection "Pilots of the Stars." The starting point and hermeneutic key to these reflections was the poet's philosophical essay of 1934, where we find one of his explications (the third) of the myth of Oedipus, in which the antinomic combination of "the terrifying and the divine" is found. Two main theses are put forward and developed: (1) in its genre structure/nature the "Sphinx" poem is a mystery, and initiatory schemes acquire an important role in it; (2) in terms of meaning, the mystery poem is constructed according to the palimpsest principle; in addition to the mythological layer, the Dante, Baudelaire and Augustine layers, as well as the biblical and Christian ones, are of significant importance in it. It is indicated that the reading/deciphering of palimpsest meanings, obvious and "hidden" (Christian) contributes to the understanding of the ontological (split earth — heaven/paradise) and existential-axiological antinomies of the poem (Evil — Good, hatred/violence — love/salvation), as well as the interpretation of the textual multi-voicedness (polyphony) on the personal, values-related and philosophical levels. The polar, opposite

meanings and symbolic contradictions of the mythical figures of the Sphinx and Oedipus are revealed, underpinned by an enriching multi-level interpretation. The key role of the semantic and axiological antinomies of the mystery is revealed: the Beast/Demon — Christ, Darkness — Light; and in the myth itself and the symbolic dimension of Oedipus (in his guise as a "sufferer"): blindness — sight, searching — finding. It is argued that Ivanov's discursive strategy is aimed at indicating human deliverance from Evil, from being in its bondage, at emphasizing the struggle of the Spirit, seeking the "way to salvation" and the path of purification; therefore, it is aimed at confirming/revealing the mysterial-Christian Ultimate Meaning of the work, the secret "irreplaceable message".

Keywords: antinomy of Myth, Sphinx, Oedipus, evil, light, the palimpsest principle, Viacheslav Ivanov, Dante, Saint Augustine, Baudelaire, mystery, imagination, memory

Information about the author: Maria Cymborska-Leboda, DSc in Philology, Full Professor, Institute of Linguistic and Literary Studies, Maria Curie-Skłodowska University, Maria Curie-Skłodowska Pl., 5, 20-031 Lublin, Poland.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-8666-3563

E-mail: mcymborska-leboda@O2.pl

For citation: Cymborska-Leboda, M. "'Everything Here Is Antinomical…': The Antinomical Essence of Myth and the Hidden Meaning of Palimpsest in the Poetry of Vyacheslav Ivanov." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 373–387. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-373-387

…мы, в миру о небесном мечтающие [29, с. 688].

Так сонм отшедших, сонм бесплотный
В живых и мыслит, и поет [30, т. 3, с. 234].

Но хочет Сфинкс — гляди — поднять ресницы
И тускло рдеют, как глухой янтарь,
Былого отраженные страницы [30, т. 3, с. 223].

Но все ли в мареве былого,
Мать Музы, Память, было сном?
Все, кроме сущего в Одном
Лица Сыновнего и Слова [30, т. 3, с. 237].

Цитаты из произведений — Вяч. Иванова, вынесенные в заглавие выступления и в эпиграфы, думается, явственно показывают, в какой степени рефлексия об антиномиях в культуре и человеческой жизни

присутствует в текстах поэта — критических, эпистолярных и художественных/поэтических. Высказывание, приведенное в заглавии этих размышлений — фрагмент статьи 1934 г. — относится к античному мифу об Эдипе и требует продолжения. «Тут все антиномично, как существенно **антиномичны** сами люди; **противоречив человек** уже по природе своей <…>»[1]. Показательно и значимо соотнесение слов Достоевского и древнего мифа, мифического образа Эдипа, в котором антиномично соединение «ужасающего и божественного», что в толковании Иванова вскрывает «роковые судьбы человеческого духа» и содержит правду о человеке как таковом, важную и вчера, и сегодня. Неслучайно несколько позже Эммануэль Левинас подчеркнет привилегированное место Эдипова мифа в XX в., его сохранность и актуальность, в отличие от других античных мифов [23, с. 95]. Ибо, как пишет Ролан Барт, Эдип, вступивший в состязание со Сфинксом и номинативной формой загадки, им разгаданной, «отметил весь западный дискурс» [2, с. 77]. В указанной статье и в приводимом высказывании, уточняя его, Иванов приходит к своеобразной категоризации антиномий в разных сферах человеческой жизни, обитающих в подсознательном и сверхсознательном человека. Ссылаясь на Достоевского, подчеркивает: «…противоречив человек и в своем сердце, которое есть <…> поле битвы между Богом и Сатаною <…>” [30, т. 3, с. 477]. Он же (человек) в своей двусмысленной судьбе испытывает антиномии свободы[2] и воли («воля относится к *противоположному*», по Фоме Аквинскому [14, с. 32]): свободы, «бесцельной», «пустой», «мертвящей» и «истинной», «Христовой» [30, т. 3, с. 477]. И эти антиномии поэт обнаруживает в античном предании, предлагая свое, третье прочитывание, его востребованность в наши дни [11; 21]. Третье, ибо два первых находим в поэтических произведениях: в ранней поэме «Сфинкс», которая и послужит основным материалом наших рассуждений, и в мелопее «Человек». Оба произведения соединяет не только присутствие и истолкование Эдипова мифа и антиномий фигуры Эдипа, но также их мистериальная жанровая природа; это же имеет кардинальное значение. В первом из них, в поэме-мистерии «Сфинкс», построенной по палимпсестному

[1] Эти слова приводит Светлана Федотова в связи с изложением работ и лингвофилософии Л. Гоготишвили, в которых любопытно использование метафор Сфинкса и Эдипа для интерпретации поэзии и лингвистических концептов Вяч. Иванова [13, с. 437].

[2] В статье «Кризис индивидуализма» Иванов подчеркивает это, концептуализируя фигуру Гамлета (ср.: «…страшна свобода», чреватая возможностью отступничества от целого и заблуждения в «пустыне своего отъединения» [30, т. 1. с. 833].

принципу[3], особую значимость для прочитывания антиномий мифа и важности мистериального начала имеют, думается, два элемента, вернее два фрагмента высказывания:

1) внутритекстовой: «**Днесь** сердцу Сфинкс поет загадку мира» [30, т. 1, с. 659]. Опорные слова — **Днесь**, **поет,** и **загадка мира**. В сущности, загадка мира — это и есть загадка человека и те антиномии, которые поэт называет в вышеуказанной статье.

2) второй герменевтический момент — так сказать, сверхтекстовый — эпиграф к поэме-мистерии, эпиграф из Данте, с которым, по словам Андрея Шишкина, в своем творчестве поэт ведет «большой диалог» [18, с. 511].

Присутствие дантовского текста — и шире дантовского слоя — в палимпсестном сочинении Иванова — т. е. фрагмента из Inferno (Песнь IX, 61–62) чрезвычайно значимо. Приведем перевод сначала Лозинского, потом Иванова:

«О вы, разумные, взгляните сами, / И всякий наставленье да поймет, / Сокрытое под странными стихами» [27, с. 44];

«Дивитесь учению, сокровенному, под покрывалом стихов странных» [30, т. 2, с. 549].

Какова их — Дантовских слов — функция? Как комментировал сам поэт: прочитать один из четырех смыслов текста, т. е. sensus anagogicus, анагогический смысл [30, т. 2, с. 543]. У Иванова в поэме он прочитывается в финале, как и должно быть в мистерии, где актуализируется библейский слой палимпсеста, о чем далее, и где проясняется сверхсмысл антиномий, т. е. причастие божественному миру, «сеющему семена в вечный свет» [30, т. 3, с. 477].

Вопрос, конечно, не в том, чтобы назвать антиномии, отметить их присутствие, а в том, чтобы показать способ их выражения, проникнуть в поэтическую стратегию их выражения в палимпсестном строе поэмы-мистерии. Поэтическая же стратегия Иванова — это стратегия поэта-символиста, сознающего и утверждающего, что символ — это «знак противоречивый», а миф или мифотворчество есть развертывание (что позже подтвердил Жильбер Дюран) символических противоречий и их потенций, ибо, по его словам, «символ прозревает все планы бытия и все сферы сознания» [30, т. 2, с. 537].

Поэтому мифические фигуры — актанты — мистерии «Сфинкс»

---

[3] Понятие «палимпсеста» применяется самим Ивановым; концепт используется многими исследователями: А. Шишкиным [19], Овсянниковым, С. Титаренко, К. Исуповым; см.: [14, с. 23].

открывают поле противоречивых значений, что сказывается в первую очередь в реинтерпретации мифа о Сфинксе. Ибо Сфинкс в поэме Иванова воплощает полюсные, полярные значения: 1) прежде всего полюс «древней тьмы», хаоса, губительную силу («восстал губить вопросом новым»), злобу и насилие, шире — Зло, соблазн и одержимость злом [5; 3] и даже пленения злом. Отсюда в поэме метафоры и образы жестокого насилия, умерщвления, пожирания, крови и кровавых жертв, лишения жизни, плена, а также главное: раздора, распри, разделения, борьбы, вражьего раскола человечества, примерно такого, как это видим в «Человеке» — где «…мир, расколотый борьбою» [30, т. 3, с. 228], войной, сквернившей «Землю многочадную пролитой сокровенной кровью», разделен на «Змиев стан» и племя ищущих защиты и спасения, Света и выхода из тьмы к свету.

2) Второй смысловой слой, открываемый символом Сфинкса, противоположный первому, проясняется уже упоминаемой цитатой:

> Дай им в сердца принять спасенья весть!
> Днесь, сердцу Сфинкс поет загадку мира:
> Дай в их сердцах разгадку им обресть!.. [30, т. 1, с. 659].

Поющий Сфинкс, конечно, не тот, который губит и требует жертв. На его скале «лучится Эрос» — «свет и луч Эроса» [30, т. 3, с. 115]. Лексемы «пение», «поет» у Иванова обладают положительным значением, и в мистерии «Сфинкс», и в «Прозрачности, и в мелопее «Человек», также в «Светомире». Поющий Сфинкс в мистерии Иванова актуализирует архаичное значение женского персонажа, а именно Девы, руководящей ритуалом посвящения, цель которого разгадать поставленную загадку, чтобы в итоге обрести жизнь на высшем духовном уровне. Знаменательно же у Иванова: «Дай в их сердцах разгадку им обресть!». В смысловом поле символа это значение соотносится с дантовским эпиграфом, и шире, постулатом услышать/понять наставление, скрытое под покрывалом слов дивных.

Лексема «наставление» (наставляющие силы) появляется в финале поэмы, где прочитывается сокровенный смысл мистерии и подтверждение того, что ключевая антиномия произведения (присутствующая и в «Cor Ardens» — «скиптры Зверя — иго Христа», и в мелопее «Человек»): это Зверь (Демон) — Христос (Вожатый). Но первый член этой антиномии дан эксплицитно, именно в облике губительного мифического Сфинкса, как воплощения тьмы, ненависти и зла. Второй же член — христианский — зашифрован.

Этот положительный ценностный полюс — Добро, Свет, Истина — в своем полном смысловом объеме дешифруется в финале мистерии, но подсказывается/подготовляется дискурсивной стратегией уже раньше. Не только в самом толковании мифа об Эдипе и фигуры Эдипа, о чем далее, но и в других фрагментах дискурса, вскрывающих свою инициатическую подоснову и цель. А именно:

1) в онирическом и имагинативном плане произведения, отсылающем к Данте, с эденическим полетом/воспарением героя-повествователя-мечтателя, в его опыте воспоминания о рае, о райском крае, противоположном земному долу, где сонм прислужников Сфинкса («Добро, рабы тлетворной слуги Девы/Ее ж истлеть дыханьем ваш удел») воздвигает престол Зла[4]. Онирический, имагинативный полет героя — предрешает «рай незабывчивый души», о чем сказано в эпилоге «Eden» — стихотворении, замыкающем цикл «Cor Ardens» [16; 15].

2) второй важный момент, подтверждающий присутствие христианского слоя и предвещающий мистериальную концовку поэмы — это символическое сражение героя-повествователя с властью жестокого Сфинкса, обитающего в нем самом, о чем Иванов напишет в комментарии к мелопее «Человек».

Это сражение/борение тоже принимает форму своеобразного инициатического сценария, суть которого выражается в противоположной семантике лексем «Нет» и «Да». Сценарий посвящения в символику «Да» и отрицания смыслового полюса, связанного с «Нет», происходит на трех стадиях, что акцентируется и подчеркивается в поэме символической коннотацией лексем «Да» и отсылочной связью с Посланием апостола Павла и текстом Блаженного Августина.

«Ибо Сын Божий, Иисус Христос не был “Да” и “Нет”; но в Нем было “Да”»; апостол (по Августину) сказал: в нем было «Да», словом «Да» назвал то, что было в Иисусе Христе [25, с. 280]. Из сказанного очевидно: в аксиологическом плане в мистерии Иванова «Да» связано с Христом, «Нет» — со Зверем, хищным демоном. Уделом же человека является «темное распутье», как сказано в мелопее «Человек». Но там спор «Дня с Денницей», Агнца с Люцифером — в глубине человеческих сердец разрешается однозначным жестом разрубания узла и ясным выбором Высшей Ценности:

---

[4] «Как саранча, пожрем мы ваши севы, / И змия сев земли взлелеет новь! <…> И жизни пить дадим живую кровь! / На Зла престол мы сядем, торжествуя <…>». «Геенну зол» и «пламень зла» выражают и следующие строки: «И в сердце всех на всех горит укор… / Уж ненависть под ночью брови жалит… / <…> / Кровавых жертв взалкал сердец раскол…» [30, т. 1, с. 657, 654].

Самозабвенно Агнца возлюбя,
Идут, куда их путь Вожатый правит,
Благословят, что мир святит и славит [30, т. 3, с. 230].

В поэме «Сфинкс» подобной однозначности и смысловой ясности нет. Правда и здесь спор двух начал — противоположных «Да» и «Нет» — происходит в сознании и сердечной глубине субъекта. Но к выбору ценности он приходит путем возрастания, своеобразной инициации. Его путь, как бодлеровское воспарение духа, восхождение поэта[5] — ступенчатый, объемлет тройное «Да» и совершается в глубинном средоточье, в личном сердце, разодранном «плугом ласки Сфинкса» [30, т. 1, с. 649] и испытывающем боль «кровавой раны». Все эти и другие метафоры шифруют внутреннюю драму и внутренние состояния субъекта. Можно сказать: становление субъекта и рождает его истинно глубинное Я. Подтверждением может служить одна из важнейших метафор раны, отсылающая к мистике Рейсбрука и к вагнеровскому Парсифалю.

В целом же драма посвящаемого сердца, или жадного духа, призванного изведать тайну (также увидеть себя в зеркале Сфинкса, как это происходит в известном сонете Борхеса) укладывается в инициатическую схему смерти-возрождения, т. е. акта, соотносимого с учением апостола Павла, в котором в человеке умирает Я ветхое и рождается новое. В поэме Иванова этот акт знаменуют слова:

И с третьим Да вернулся дух в Скудель;
Я ветхого приняла пепел урна;
Крещения свершилася купель… [30, т. 1, с. 649].

Примечательно также другое: семантика обретения нового *Я* (чреватая смыслом библейского крещения: водою, огнем и Духом), победы над демоном в самом себе — в поэме Иванова осложняется очередным полетом духа (ассоциации со стихотворением поэта — «Полет») на пути человеческого самоискания. И этот полет, совершаясь посредством мечты, оказывается путем возвратным:

[5] Ср. в стихотворении «Воспарение», пер. В. Шора: «Блажен мечтающий: как жаворонков стая, / Вспорхнув, его мечты взлетают к небу в миг» [26, с. 22]. Или в стихотворении «Полет», пер. Эллиса: «Блажен лишь тот, чья мысль окрылена зарею, / <…> / Чей дух возносится высоко над землею!» [26, с. 20–21].

Зане **дух пел** во мне <…>
Бездонных крыл **зовет меня мечта**
В родимый край и первую обитель [30, т. 1, с. 650].

На интерпретации райско-дантовского слоя поэмы, на символических фигурах Лии и Рахиль, а также Марии, Магдалины и Адама, мы останавливаться не можем; см.: [7]. Сделаем лишь одно замечание, связанное с мифопоэтикой рая и «райским текстом» символизма [16]. Речь идет о значении онирических мотивов — и функции грезы/мечты в поэме — для выражения «загадки» соотношения антиномических начал: плотского/скудельного, дольнего и духовного, земного, юдольного и небесного, высокого. Ради пояснения приведем слова Жака Маритена: «Le plan où l'esprit est le plus esprit, n'est il pas aussi le plan de rêve?» [24, с. 372] («Сфера духа, где дух является наиболее духом, не есть ли также сферой мечты?»). Мысль Маритена, знатока эстетики Средневековья, подталкивает к слушанию «музыки контекста». Лексемы: «дух», «мечта», «Залетные грезы Эдема», столь важные и очевидные в поэме Иванова, отсылают опять же к Данте. Эпиграф к произведению— это лишь явная указка. На самом деле присутствие автора «Божественной Комедии» и «большой диалог» с ним (по Шишкину) — более глубокое и скрытое, постулирующее дешифровку. Относя это к примечаниям в другом месте, учитывая исследования Françoise Graziani[6] о Данте, пока лишь отметим, что эта расшифровка необходима и существенна для интерпретации вышеуказанных антиномий и понимания значения пневматики произведения, духовного начала в нем. Пневматика же произведения, столь существенная для восприятия «Кормчих звезд», что сильно акцентировала Ольга Дешарт [6, с. 42], в мистерии соотносится с образом поэта/мечтателя и его художественной функцией.

Эта функция, связанная со сферой имагинации и «борением духа» (в чем обнаруживаются отголоски Бодлеровского концепта поэта в «Цветах зла»), как раз и указывает на мощное отталкивание героя от Мира Зла. Его оружие в этом боренье — «великое Презренье» — или один из трех братьев (кроме Стыда и Благоговения на пути личности), «холод чистоты — Презренье», как сказано в «Римском дневнике 1944 г.» [30, т. 3, с. 638]. В раннем же сочинении оно помогает духу и дает силу: «Ты был мой вождь, великое Презренье! / На миг тобой **дух** восстал и цел, и зряч! / Внушило ты последнее боренье» [30, т. 1, с. 654].

[6] В статье [22] концептуализируются категории имагинации, мечты и памяти, столь важные также у Иванова.

Имеет поэтому значение, что именно пневматический герой-мечтатель входит в общение с другой фигурой мифа, Эдипом, и прозревает его суть. Мистерия Иванова — полифонична и многоголосна в своей структуре и смысловом поле: сопоставление/созвучие голосов-точек зрения — противоположных смыслов — в ней очень важно. Художественная инновация поэта — именно в этом, в услышанности их потенциальных значений, содержащихся в мифе — в эдипическом мифе прежде всего. Поэтому герой-мечтатель, как porte-parole самого автора, как носитель авторского слова, также от имени ищущего/блуждающего людского сонма, прозревает в нем поводыря и вождя; отсюда аппеляция к нему: «Будь зрячим, вождь <…> Прозри нам свет за тайной темных век!» [30, т. 1, с. 657]. Тем самым мифологема Эдипа, «вещего старика», вписывается в поле символических значений и противоречий: **слепота-зрячесть, Тьма-Свет;** они знаменуются, в частности, строками: «Рун Сфинксовых толковник <…> Глад древней тьмы ты древле усыпивший единым разрешеньем: “Человек!”» [30, т. 1, с. 657]. В таком восприятии — Эдип — это победитель Сфинкса; его победа есть победа над тьмой/злом (ср.: «И Сфинкс у ног царя, сел на его хребет»). Антиномическая пара понятий: слепота/зрячесть, кардинальная в Ивановском прочитывании мифа — семантически многоуровневая. Эдип явится как «слепец святый». Ибо, ослепив себя, собственноручно накладывает на себя кару за невольное преступление и силой мужества, непримиримости в устремлении к правде, открывает правду о самом себе.

Вот почему, как считают знатоки античности и творчества Софокла, весь розыск Эдипа проходит под девизом «Познай самого себя»; в трагедии «Эдип в Колоне» герой «не раз будет называть себя скорее пострадавшим, чем действовавшим» [20, с. 201]. В целом же, для Софокла он являет собой проявление «идеального образа человека, “каким он должен быть”»: в своей верности принятому решению, в своем искании [20, с. 205]. Как пишет Иванов: «будет искание — будет обретение» [6, с. 42]. Но обретая истину о себе самом, знание, Эдип обретает вместе с тем страдание, поэтому как страдалец в мистерии Иванова он «тень страждущего бога» и, одновременно, носитель «ценностного сознания», «символ страдания самосознания» (по словам Поля Рикёра) [10, с. 218]. В интерпретации же Иванова (третьей по счету) 1934 г. — страдание самосознания расширяется до сознания ответственности за невольную вину («Ты, рок греха подъявший без вины / И волею невольный искупивший» [30, т. 1, с. 658]).

В мистерии же «Сфинкс» Эдип — слепец **святый**, ибо искупивший свой грех и актом свободной воли вышедший из слепоты, — возрас-

тает в ценностном ранге, и это он произносит слово-указание для жаждущей спасения толпы. Сам, вышедший из недуга, апеллирует к очищению, и это к нему адресованы восклицанья тех, «чей дух пленен юдолью зол» [30, т. 1, с. 659], кто ждет исцеления и спасения. Поэтому, в сущности, также в связи с ним «звучит глагол», призыв к очищению и выбору пути очищения:

> Но посох ваш к чистительной купели
> В терпении несите на восток;
> Се, кормчих звезд горят над вами цели [30, т. 1, с. 660].

Причем знаменательно, путь очищения человечества от зла и недуга сердца, а также врачевания, вписывается в тот же инициатический мистериальный сценарий и схему смерти/сна — возрождения: «Там сон на вас дохнет, / Как смерть — глубок. / Но вы проснетесь здравы» [30, т. 1, с. 660].

Очистительный ритуал, принявший символическую форму врачевания, смерти-возрождения и мистериального преображения органически вписан в структуру произведения и имеет существенное значение. Согласно инициатическому (мистериальному) сценарию — преображение человечества/человека чревато приобретением: пониманием новых целей.

В упомянутой выше интерпретации мифа об Эдипе, поэт отмечал, что «Рун Сфинксовых толковник» своим ответом/разрешением прочитал лишь первый смысл «Ессе Homo», «Се Человек»[7]. «Не подозревал он, — пишет Иванов, — что этой же самой формуле суждено в далекий день указать человеческой душе совсем иную цель, превосходящую все его ожидания» [30, т. 3, с. 481].

Показательно, что второй сокровенный смысл формулы «Ессе Homo» и тем самым древнего Эдипова ответа, предсказывается и имплицитно содержится в мистерии «Сфинкс». Он определяется формулой-заветом «imitatio Christi» — следования Христу. И именно Христос — и есть очистительный Родник (ср.: «Где к родникам чистительным дорога?» [30, т. 1, с. 658]) и Кормчая Звезда для ищущих спасения людей — есть то Единственное Имя во вселенной, которым, по Достоевскому и Иванову, можно спастись [30, т. 3, с. 252], и тот Свет, которого они просят у Эдипа («прозри нам Свет»). Иными словами, тот «Свет Великий, который увидел народ, сидящий во тьме», как сказано в Евангелие от Матфея (Мф. 4: 16).

[7] Подробнее см.: [21].

Библейский слой оказывается существенным в финале мистерии Иванова, где находим расшифровку дантовского текста — слов данных в эпиграфе. Встреча библейского и дантовского смыслов происходит за счет обнаружения присутствия христианского уровня палимпсеста — дешифруемого отсылками к Посланиям апостола Павла, к Галатам[8]:

> …живет, кто от Любви избран:
> Зане в тайник горящий сердца снидет
> Кровавое напечатленье ран
> И ваших стигм взор чуждый не увидит [30, т. 1, с. 660].

Обретенная цель для преображенных в мистерии именно в понимании высшей Ценности — это «Крестное Любови откровение…» — «елей живущих ран» — любовь и жизнь в Христе [30, т. 1, с. 566].

В статье «Мысли о символизме» Иванов пояснял, в чем цель и сущность мистериального преображения: человеческая «душа, как созерцатель (эпопт) мистерий, не оставлена без учительного руководства»[9] [30, т. 2, с. 607], т. е. без Наставника[10] и «Единого Учителя» (как сказано в трактате Бл. Августина «De Magistro»). И это Он есть настоящий Вожатый[11] — «Путь, Истина и Жизнь»; истинный Спаситель (Ин. 4: 12) Тот, кто приносит «благовестие о спасении и победе над злом» [5, с. 20] — о соединении людей.

В поэме-мистерии Иванова эта не абстрактная мысль звучит следующим образом: «Где ты? Где я? Не все ли мы — одно?.. О, тайна тайн!» [30, т. 1, с. 646][12].

В «Эллинской религии страдающего бога» Вячеслав Иванов возлагает надежду на поколения, в которых возродится исконный опыт обретения себя в *не-я*: «божественным в божественном единстве, страдающим в Боге страдающем, блаженным благодатью Утешителя» [31, с. 75]. Нельзя ли сказать, что это есть опыт живого единства

---

[8] Ср.: «…я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6: 17).

[9] В своем полемическом выступлении в Религиозно-Философском обществе, Вяч. Иванов подчеркивал значение мистерий — их религиозное ядро, — в «общем христианском стремлении к совершенствованию, к внутреннему изменению человека» «стремление к богоподобию» [12, с. 160].

[10] В письме Л.Н. Толстому Вл. Соловьев именует Христа «указателем пути» [32, с. 99].

[11] См. в стихотворении «Вожатый»: в том же сборнике «Кормчие звезды»: «Свершайте дело распятья / <…> / И люди станут братья» [30, т. 1, с. 567].

[12] Ср. в мелопее «Человек»: «Но не будет я и ты» [30, т. 3, с. 236].

и христианского приобщения Святой Троице, а также разрешения универсальных антиномий библейского Иова[13], которые, по мнению свящ. Ельчанинова, разрешаются лишь «пришествием Христа» [28, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аверинцев С.* Духовность Восточной Европы и ее вклад в формирование новой европейской идентичности // Человеческая целостность и встреча культур. Успенские чтения / сост. К. Сигов. Киев: Дух и Літера, 2007. С. 384–398.
2. *Барт Р.* S/Z. М.: Ad Marginem, 1994. 302 с.
3. *Бердяев Н.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-Press, 1952. 246 с.
4. *Булгаков С., прот*. Святый Грааль // Путь. 1932. № 32. С. 3–42.
5. *Зеньковский В.В.* Зло в человеке // Путь. 1938. № 56. С. 19–36.
6. *Дешарт О.* Введение // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. С. 7–227.
7. *Каяниди Л.Г.* Средневековая символика Рахили и Лии в творчестве Вячеслава Иванова: между Августином, Григорием Великим, Андреем Критским, Фомой Аквинским и Данте // Europa orientalis. 2022. Т. XLI. С. 255–266.
8. *Левинас Э*. О Морисе Бланшо. СПб.: Machina, 2009. 117 с.
9. *Мережковский Д.* Блаженства // Числа. 1933. № 7/8. С. 195–209.
10. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, 1995. 411 с.
11. *Тахо-Годи Е.* Трансформация мифа об Эдипе в историософской эссеистике Вяч. Иванова 1930-х годов // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов. М.: Водолей, 2001. С. 215–224.
12. *Федотова С.* Выступление Вяч. Иванова в Петербургском религиозно-философском обществе по докладу Н. Бердяева о книге В. Несмелова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. Н. Грякалова, А. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. Вып. 2. С. 143–161.
13. *Федотова С.В.* «Загадки лингвистического Сфинкса»: Вячеслав Иванов и Михаил Бахтин в интерпретации Л.А. Гоготишвили // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4. / ред.-сост. Е.А. Тахо-

[13] Соотнесение Иова, Эдипа и Христа см. в статье Мережковского «Блаженства»: [9].

Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН; Водолей, 2024. С. 410–471. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0782-3-410-471

14. *Цимборска-Лебода М.* Заветы средневековой философии и эстетики в творчестве Вячеслава Иванова: «над палимпсестом Августиновых словес» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН; Водолей, 2024. С. 19–50. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0782-3-19-50
15. *Цимборска-Лебода М.* «Над палимпсестом эллинских словес»: Психея и Эрос в поэзии Вячеслава Иванова // Античность и русская культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи / сост. отв. ред. Е. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 186–195.
16. *Цимборска-Лебода М.* «Поэта возвратный путь в рай». Райский текст в русской поэзии первой половины XX века // Nowoczesność i tradycja / ed. E. Komisaruk, I. Malej. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2019. С. 75–88.
17. *Цимборска-Лебода М.* «Поэт — отзыв — услышанность» (Свобода и Истина в философской переписке Вячеслава Иванова) // Revue des Études Slaves. 2024. Т. 95. С. 337–348.
18. *Шишкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив [I] = Archivio russo-italiano [I] / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. С. 503–528.
19. *Шишкин А.* «Слово-плоть»: варианты и редакции сонета Вяч. Иванова «Язык» // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2016. Т. 2. С. 295–306.
20. *Ярхо Б.* Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М.: Худож. лит., 1981. 301 с.
21. *Cymborska-Leboda M.* Viatcheslav Ivanov: poète chrétien: entre Œdipe et le Christ // La plume et la Grâce. Littérature et spiritualité du Moyen Âge au XXIe siècle. Mélanges en l'honneur de D. Millet-Gérard / ed. O. Hamot. Paris: Honoré Champion, 2024. P. 749–760.
22. *Graziani F.* "Ricorditi lettor": vision, imagination, mémoire // Littérature. 2004. № 133. P. 31–39. https://doi.org/10.3406/litt.2004.1836
23. *Levinas E.* Noms propres. Paris: Le Livre de Poche, 1987. 153 p.
24. *Maritain J.* Art et Scolastique. Paris: Louis Rouart et fils, 1923. 352 p.

Источники

25. *Блаженный Августин*. Об Учителе // Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Киев: УЦИММ-Пресс; СПб.: Алетейя, 1998. Т. 1. 740 с.
26. *Бодлер Ш.* Цветы Зла. СПб.: Кристалл, 1999. 445 с.

27. *Данте Алигьери*. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 628 с.
28. *Ельчанинов А.* Записи. Париж: YMCA-Press, 1962. 165 с.
29. *Иванов Вяч*. Письмо Н. Оцупу [1947 г.] // Вяч. Иванов. Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных исследователей. Антология: в 2 т. СПб.: РХГА, 2016. Т. 2. С. 687–689.
30. *Иванов Вяч*. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 872 с.; 1974. Т. 2. 852 с.; 1979. Т. 3. 897 с.; 1987. Т. 4. 800 с.
31. *Иванов Вяч*. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–220.
32. *Соловьев В*. Письмо к Л.Н. Толстому о воскресении Христа // Путь. 1926. № 5. С. 97–99.